

(1)

Веришь ли ты в судьбу?

— Хм, я не верю.

— Великий Путь — пятьдесят, Небо оставляет сорок девять. Нельзя не верить, — даос водил пальцем над ладонью человека, притворно рассматривая линии, и на его лице появилось выражение: «Ох, молодой человек, у тебя большие проблемы, возможно, даже угроза жизни». От одного его вида сердце начинало бешено колотиться.

— Мастер, вы хотите сказать, что судьба человека predetermined Небом?

— Э-э, я такого не говорил! Небо оставляет сорок девять, но есть ещё одна возможность, так что о predeterminedности речи не идёт.

— Горький даос, ты всё гадаешь и гадаешь, но ничего путного не говоришь. Если будешь продолжать притворяться, мы разнесём твою лавку, — человек с шрамом на лице подошёл и отдернул руку гадающего, угрожающе бросив даосу.

За ним стоял другой мужчина, державшийся за рукоять меча, готовый выхватить его. Мелькнул блеск стали, и меч чуть не разрубил знамя даоса, но промахнулся.

Даос же уже оказался в нескольких шагах, его движения были странными и быстрыми. Хотя он казался близко, когда они попытались догнать его, это оказалось невозможным. В воздухе остался его голос:

— Советую вам, друзья, впредь ходить по большим дорогам, а не по тропинкам. Двадцать лян за гадание я, конечно, заберу.

Услышав это, они поспешно проверили свои кошельки и обнаружили, что двадцать лян действительно исчезли — ровно двадцать, ни больше ни меньше. Даже ткань, в которую были завернуты деньги, осталась на месте. Никто не понял, как он забрал деньги. Двадцать лян — немалая сумма, для обычной семьи это могло быть годовое пропитание. Если бы они не отправились в дальний путь, никто бы не стал носить с собой двадцать лян серебром.

— Пф! Сегодня действительно несчастливый день, просто так отдали двадцать лян Горькому даосу, — лидер, выхвативший меч, плюнул, недовольно убирая оружие.

— Я же говорил, что Горькому даосу нельзя верить. В мире говорят, что он загадочен и точен, но, скорее всего, это просто болтовня. Двадцать лян за гадание — он что, думает, что у него золотые зубы? — Человек с шрамом на лице всё ещё сжимал меч, не желая отступить.

— Второй, будь осторожен в словах. Этот даос действительно обладает способностями. Судя по его искусству лёгкости, вряд ли найдётся один-два человека во всём мире, кто сможет сравниться с ним, — другой мужчина подошёл сзади и похлопал по плечу человека с шрамом.

— Двадцать лян — ерунда. Когда мы завершим это большое дело, даже двести лян будут пустяком.

Это был седьмой день седьмого месяца — самый что ни на есть мистический день.

Если бы не ради этого большого дела, ни один из Трёх Воров с Мечами не согласился бы прийти в такое место в этот тёмный вечер.

Это было кладбище в долине Великой Горы, где старые деревья и лианы переплетались, а голубоватые блуждающие огни собирались со всех сторон. Если бы они не были известными в мире злодеями, они бы уже давно в страхе бежали прочь.

Люди боятся злодеев, и духи — тоже.

— Нашли?

— Нашли!

— Что там? Покажи!

— Да не похоже это на большой клад. Почему же за него столько предлагают?

В земле лежали не кости, а свёрток из синей ткани, на котором ярко выделялся белый узор. Никто не мог понять, как эта новая вещь оказалась на заброшенном кладбище, которому уже почти десять лет.

Развернув синий свёрток, они увидели светящийся нефрит.

Даже с их скромными познаниями было ясно, что этот нефрит — не ахти какой. Вода не та, камешек мелковат, да ещё и трещина через всю длину. Лишь лоск, будто от долгого ношения, представлял некоторый интерес и мог принести немного денег.

— Быстрее, возвращаемся. Как только сдадим, получим пять тысяч лян, — второй, с шрамом на лице, аккуратно завернул нефрит и сунул его за пазуху, подгоняя остальных.

— Да! Третий, подведи лошадей. Пойдём по тропинке, заказчик ждёт нас в городе.

— Старший, может, пойдём по большой дороге? Горький даос же говорил... — Не успел третий закончить, как человек с шрамом прервал его насмешливым хохотом.

— Третий, ты что, действительно веришь его болтовне?

— Ну, мы же воры, разве воры ходят по большим дорогам?

На самом деле, в горах Великой Горы не было чёткого разделения на большие и малые дороги, просто на выходе из большой дороги стояла никому не известная станция.

Тропинка была ближе к городским воротам, но труднее для прохода. К счастью, эти привыкшие к дорогам люди не боялись тряски на лошадях, иначе Три Вора не смогли бы добраться до выхода из гор за всего лишь час.

— Скоро будем там, — человек с шрамом прильнул к шее лошади. Он был лучшим наездником среди троих, поэтому и ехал впереди.

Он же первым и увидел того человека.

Он осадил коня, потому что было ясно: тот человек пришёл к ним.

Тот человек был худощавым, почти как женщина, но явно не женщиной. Его глаза были острыми, словно у пантеры.

Это был злодей, куда более страшный, чем они.

Злодеи боятся тех, кто злее их, и эти — не исключение. Но даже испытывая страх, они продолжали творить зло, ибо каждый из них в душе считал себя самым страшным.

Тот человек не стал тратить слов на Трёх Воров с Мечами. Его глаза были как у пантеры, и он бросился вперёд с той же хищной стремительностью.

Сначала он подрубил ноги лошадям, затем принялся за людей.

Этот человек был более искусным мечником, чем Три Вора с Мечами. Когда они это осознали, было уже поздно, да и сказать они ничего не могли — мёртвые не разговаривают.

Тот человек присел рядом с телом человека с шрамом, вытащил синий свёрток с белым узором и нефритом, покрутил его в пальцах и сунул обратно.

— Жаль, что вы не послушали слова даоса.

Даос называл себя «Горьким», и с тех пор, как он появился, славился своей точностью и безошибочностью. После инцидента в Усадьбе Восьми Ветров его репутация мастера гаданий распространилась повсюду. К тому же, его искусство лёгкости было загадочным, и он быстро стал легендой в мире. Что касается настоящего имени Горького даоса, то слухов ходило множество, но никто не знал точно. Возможно, в Павильоне Недеяния были в курсе. Но такие люди, как Горький даос, уже числились в списке десяти великих мастеров, и их тайны просто так не разглашали.

Слухи в мире расползались с невероятной скоростью, и о нём говорили всякое, вплоть до того, что он — небесное божество, спустившееся на землю. Большинство из этого было ложью, но одно было правдой. А именно — мастерство Горького даоса!

— Даосу на вид всего лишь двадцать с небольшим, в любом из крупных кланов он был бы зелёным юнцом, но он — другой. Его умения, особенно его невероятное искусство лёгкости, просто... — Сказочник ударил деревянной колотушкой по столу. — Потрясающие!

— Эй, эй, сказочник, ты всё говоришь, какой Горький даос великий, но в чём именно его величие?

Сказочник, услышав вопрос, поднял колотушку и мягко опустил её. — Вы спрашиваете, в чём его величие? Не смею судить. Его искусство лёгкости, как вы знаете, загадочно и редко в мире. Когда-то он мог одним прыжком проникнуть в Усадьбу Восьми Ветров, а теперь, наверное, и вовсе ужасен. Почему в мире столько слухов о нём? Потому что его искусство лёгкости столь невероятно, что его никогда не догнать. Что касается его прочих умений, в мире боевых искусств нет первого и второго, но, полагаю, даже если я и скажу, вы, опытные люди, не поверите. Но вы знаете печально известных Трёх Воров с Мечами?

— Вы сказали — печально известных. Да кто ж их не знает?

<http://bllate.org/book/16265/1463463>